

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2026.91.35.019

## Цифровой луддизм как тактика сопротивления в условиях информационной эпохи

**Гордюков Артем Александрович**

Ассистент кафедры социальной философии,  
Казанский (Приволжский) федеральный университет,  
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;  
e-mail: aragordyukov@kpfu.ru

### Аннотация

В статье проводится анализ феномена цифрового луддизма как разновидности технопессимистического тренда в современной культуре, который может стать альтернативным подходом к оценке и регулированию технических инноваций. Показаны исторические условия возникновения движения луддитов в XIX веке, их идеологическая специфичность и взаимосвязь с современными трендами. Выражена точка зрения о необходимости преодоления презумпции нейтральности техники и опасности неконтролируемого индустриального и цифрового развития. Показана логика производственного процесса в современном обществе на примере внедрения технических средств во все сферы жизни человека без возможности контроля с его стороны, что производит пагубное влияние на жизнь и благополучие человека. В оппозиции данным трендам предложен энвайроменталистский проект Ивана Иллича по исправлению дисбаланса между человеком и техникой через его концепцию «конвивиальных инструментов» как пути дальнейшего развития человечества. Иллич понимал производственный рост не просто как экономическую идеологию, а – что более радикально – как результат исторически уникального образа мышления, который превращает технические инструменты из средств в цели. На основе работ Иллича, в статье предлагаются ограничения в сфере как материальных, так и нематериальных технологий, а также в соблюдении баланса между аутентичными способами существования человека и техникой.

### Для цитирования в научных исследованиях

Гордюков А.А. Цифровой луддизм как тактика сопротивления в условиях информационной эпохи // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 2А. С. 123-132. DOI: 10.34670/AR.2026.91.35.019

### Ключевые слова

Техника, луддизм, информационное общество, Иван Иллич.

## Введение

Тотальная цифровизация общества, когда-то казавшаяся фантастам прошлого лишь заоблачной мечтой, стала реальностью. Только сама эта реальность никак не утопична. Несмотря на развитие технологий, голод и война по-прежнему являются реальностью для миллионов людей, постоянная подключенность к сети решает одни проблемы, но создает многие другие. Будущее наступило, но оно, хоть и оправдало наши ожидания во многих аспектах, совершенно не оправдало наших надежд. С одной стороны, современное общество угнетает субъекта во многих социальных и психологических аспектах, а с другой – оно банально до безобразия. Мы даже не можем получить эстетику “low life, high tech” вселенной Cyberpunk с её простетиками-конечностями и вычурными прическами. Несоответствие между образом будущего и реальностью его воплощения приводит нас к вопросам о том, как мы пришли к этому реальному состоянию общества и о возможности или отсутствии способов его исправить. Именно поэтому вся обыденность цифровизации с её многими недостатками породила весьма низовой, но уверенно набирающий тип сопротивления тенденциям современного мира, который мы предлагаем назвать цифровым луддизмом. В исследовательской литературе также можно встретить термин «неолуддизм», однако использование этого термина предполагает несколько иные оттенки технопессимистической мысли и занимается исследованием конкретных движений, в то время мы рассматриваем более широкий тренд. Это культурное явление нельзя в полной мере охарактеризовать как движение, поскольку у него нет центра, лидеров или конкретных организаций. То, что мы именуем «цифровым луддизмом» покрывает собой широкий разброс действий и мнений, включающий в себя как индивидуальный технопессимизм обывателя, так и многие экологические, анархистские, реакционные, нативистические и пр. политические движения. Современные отношения между человеком, трудом, техникой и капиталом порождают запрос на глубокое исследование этих отношений в теоретическом плане, а также особую практику сопротивления, характерную новым условиям цифровой эпохи. За ответом на эти вопросы мы прежде всего обратимся к первым «ненавистникам» технологического прогресса – луддитам.

## Исторический луддизм

Рассматриваемый нами феномен берет свой исток 9 июня 1817 года, когда несколько сотен человек с импровизированным оружием начали массово разрушать прядильные станки в небольшом английском селении под названием Южный Вингсфилд. Бунтовщики, помимо повсеместной порчи частной собственности, также скандировали антиправительственные лозунги, призывали к обнулению банковских займов и искоренению нищеты. На следующий день новости о бунте прокатились по всей Англии, привлекая на свою сторону как новых сторонников, так и гнев со стороны властей [Bailey, 1998, pp. 12-14]. Очень скоро восстание было подавлено, но его отголоски были головной болью британской короны на протяжении нескольких десятилетий. Бунтовщики были массово арестованы, а затем расстреляны или сосланы в Австралию, но каждый раз, когда представители правопорядка требовали у бунтовщиков имена зачинщиков, то всегда всплывало одно и то же имя – Нед Луд. «Генерал Луд», скорее всего, никогда не был реальной личностью. Согласно народной мифологии, зачинщик восстания был обыкновенным прядильщиком чулок, который отказался учиться работать с прядильным станком, приобретенным его мастером. Мастер, закономерно, ответил

на этот отказ плетью, что только раззадорило Неда. Вместо того, чтобы подчиниться приказам своего хозяина, Нед схватил молот и разрушил дьявольскую машину, отбирающую у него средства к существованию. Из этой сомнительной истории в английскую, а затем и в многие другие европейские культуры проник расхожий стереотип бунтовщика-луддита. Луддит как противник всякого технологического прогресса, ретроград и технофоб, демонизирующий чудеса науки и техники, неспособный идти вместе с духом времени. Однако несмотря на то, что предрассудки и магическое мышление действительно имели место в мировоззрении необразованного английского ремесленника начала XIX века, основной причиной бунта был отнюдь не страх неизвестного, а вполне понятный человеку любой эпохе угрозы – голода и смерти. Ткацкие станки для большинства луддитов были не сверхъестественными демонами, а факторами, отобравшими у ремесленников средства к существованию. Падение доходов кустарей, повсеместное падение качества продукции спровоцировали рабочих зарождающегося промышленного века на восстание [Bailey, 1998, p. 15]. Даже самые тяжелые условия труда были предпочтительнее голодной смерти: рабочие места резко сократились после массовой имплементации ткацких станков, и у стремительно вымирающего ремесла кустарных мастеров было лишь два выбора – бунт или смерть. Подобное смещение перспективы с психологического и идеологического анализа луддитов на анализ материальных условий бунта делает их позицию куда более понятной и доступной, нежели стремление рассматривать погром станков как проявление иррациональной ненависти к технике. Угроза нищеты, конечно, на самом деле шла не от станков, а от политико-экономической ситуации в мире, где Британия находилась в экономическом и военном конфликте с революционной, а затем и наполеоновской Францией, что привело к закономерному падению уровня жизни. Однако отрицать факт того, что прядельные станки своим существованием возымели негативное влияние на жизни рабочих, мы тоже не можем. В конце концов, многие люди потеряли свою работу, что породило глубокий уровень нищеты среди городского населения [Bailey, 1998, pp. 134-136]. Однако, в 1820 году экономика начала восстанавливаться, появились новые рабочие места, уровень жизни вновь начал расти, однако, как мы можем быть уверены, что этот процесс не будет повторяться с неизменностью в любое время? Луддизм был закономерной реакцией на изменившиеся экономические условия взаимоотношений не только между рабочим и техникой, но и рабочим и буржуа, рабочим и рабочим. И, возможно вместо того, чтобы отметить подобные движения как проявления иррациональной деструкции, необходимо комплексно изучить опыт луддизма для лучшего понимания современной ситуации.

### **Tech как движущая сила экономики**

Место техники в обществе кардинально изменилось за последние несколько столетий. Ручной труд был заменен машинным, мануфактурное производство – фабричным, к XIX веку появились электричество, радиокommunikации, двигатели внутреннего сгорания и другие изобретения, неизменно включаемые в процесс производства и также неизменно привлекающие внимание своих ярых противников. В связи с этим может возникнуть впечатление, что технологический прогресс неизбежен и, несмотря на ряд недостатков, в сути своей есть несомненное благо, а современные проявления неолуддизма против цифровизации и ИИ-технологий являются лишь простым проявлением старого-доброего страха неизвестного. И, по своей сути, безразлично, стоят ли за этим протестом существенные экономические риски для населения или же весь бунт является лишь коллективным неврозом – нельзя стоять на пути

прогресса. Если бы луддиты, и подобные им движения одержали победу над прядильными станками, не свершилось бы промышленной революции и какой-либо инновации в принципе. Но, с нашей же стороны, подобная логика слишком наивна в своем представлении мира, в ней не учитывается множество локальных факторов, и далеко не всегда внедрение новых технологий коррелирует с пользой для человечества. Второй контраргумент к представленной выше позиции заключается в том, что даже если в целом внедрение технологий будет положительным, то в каждой конкретной ситуации внедрения технологий наносится вред благосостоянию или даже жизни людей; и эти люди имеют полное право защищать свои интересы. И, наконец, если некоторые технические нововведения являются столь необходимыми, то их внедрение вернется обратно в производственный процесс тем или иным путем.

Как бы это ни казалось странным, но идея прогресса не является вневременным ценностным ориентиром: у древних совершенно не было подобного представления о мире – для них мир был устроен циклично, подобно временам года, и наша жизнь устроена тем же самым образом, как и жизнь наших отцов и прадедов. Только прорыв в науках Нового времени сумел пошатнуть традиционные представления о цикличности земной жизни. Сильнейшим толчком для формирования философии технооптимизма являлась эпоха европейского Просвещения, которая призывала к совершенству разума и наук, что в итоге должно привести к совершенствованию как индивида, так и общества в целом. Однако куда более серьезным фактором для смены отношения к технике чем теоретические построения просвещенцев была смена материальных условий производства, выраженных в промышленной революции. С торжеством индустриального общества перевес технического над человеческим стал не только желаемым, но и неизбежным [Гидденс, 2004, р. 47]. В то же время, вместе с возвышенными идеями просвещенцев в сознание человека модерна проникли куда более деструктивные идеи: превосходство человека над природой, утилитаризм средств, эксплуатация природы и человека для максимизации прибыли, что привело к полной оторванности человека от природы. Конечно, нельзя сказать, что человечество было в гармонии с природой до этого момента, но природа для человека была чем-то внешним, а ее покорение не было самоцелью.

Если экологические, социальные и политические проблемы современности поднимаются постоянно и справедливо называются основными проблемами современности, то отношения между человеком и техникой не ставятся под вопрос, технологические инновации всегда будут благом, проблема лишь в том, как их используют. Если когда-то и возникают проблемы их взаимодействия, то их решения всегда заключаются в подстраивании человека под технику, а не наоборот [Pansera, Fressoli, 2020, р. 381]. Индивид поставлен перед фактом. Все вопросы о взаимодействии с техникой решаются на уровне систем, на макроуровне. Точно также как луддиты не выбирали быть замененными станками, у нас нет возможностей противостоять контролю корпорациями цифрового пространства с помощью алгоритмов через наши цифровые устройства. Луддит не знал причин своей бедности, современный обыватель не знает, куда уходят его личные данные. И насколько бы не называли современное общество открытым и демократичным, мы имеем очень мало выбора касательно того, какую технику мы вынуждены использовать. И если идеологи Просвещения твердили нам, что техника должна служить человеку, то современные реалии показывают нам, что на самом деле мы подчиняемся ей. Говоря проще, мы подчиняемся не самой технике, а структурам, в которую встроены те или иные технологии мира. Но в то же время, «дать человеку возможность иметь выбор» в данном отношении звучит как хороший слоган, но конкретная реализация этого принципа требует

огромный, если не невозможный, уровень социальной ответственности, который мы не в состоянии осуществить. Научно-техническая революция целиком и полностью изменила наше отношение к труду. Труд стал гипер-специализированным, причем не только в плане навыков, но и в плане информации [Гидденс, 2004, pp. 20-21]. В традиционном обществе были мастера и специалисты, но, при желании, каждый мог научиться базовой металлургии и разделыванию туш, но никто из нас не будет претендовать в здравом уме пилотировать пассажирский самолет. Парикмахеры, сантехники, кондукторы «забирают» нашу свободу, поскольку каждый из нас должен на постоянной основе вкладывать свое доверие в незнакомцев, иначе вся система современного социума рухнет. То же касается и макроуровневых агентов – государств и корпораций: мы вкладываем в них доверие, поскольку они обладают информацией о том, кто является или не является специалистом [Гидденс, 2004, pp. 47-48]. Однако это доверие оказывается неизбежно подорванным, когда они скрывают, искажают, или же «пускают пыль в глаза» избытком ненужной информации. Такой переизбыток, но в то же время и недостаток информации, порождает недоверие к государству, и, исходя из него, недоверие к технике. Однако обыкновенный человек не может быть пирронистом – это сомнение всегда выборочно и является плодородной почвой для конспирологических теорий. Разрушение 5G вышек (большинство из которых были 4G вышками, с которыми у протестующих не было никаких проблем), вакцинное диссидентство и боязнь мозговых излучателей-микроволновок. Ожидать интеллектуальной зрелости не приходится – огромное количество технической (а зачастую и сопутствующей ей юридической) информации принуждает делегировать ответственность за свободу своих действий в руки государства и корпораций. Именно поэтому нельзя говорить о том, что проявления неолуддизма являются технофобией в чистом виде, скорее проявлением более широкого феномена технопессимизма.

### Техника как τέχνη в философии М. Хайдеггера

Интеллектуализировать подобное настроение пытается немецкий философ Мартин Хайдеггер. Хайдеггер обращается к изначальному греческому значению слова «техника». Для древнего грека, утверждает Хайдеггер, нехарактерно «инструментальное» понимание техники. Техника (τέχνη) есть скорее способ взаимодействия с миром с целью достижения логоса (λόγος), т.е. истины [Хайдеггер, 1993, p. 226]. Со временем, подобное понимание начинает утрачиваться: к времени Рене Декарта техника превращается в инструмент доминирования человека над природой. Современная Хайдеггеру техника совершила ещё один скачок – техника больше не является орудием, инструментом, а становится автономной сущностью. «На Рейне построена электростанция. Она ставит реку на создание гидравлического напора, заставляющего вращаться турбины, чье вращение приводит в действие машины, поставляющие электрический ток, для передачи которого установлены энергосистемы с их электросетью. В системе взаимосвязанных результатов поставки электрической энергии сам рейнский поток предстает чем-то предоставленным как раз для этого. Гидроэлектростанция не встроена в реку так, как старый деревянный мост, веками связывающий один берег с другим. Скорее река встроена в гидроэлектростанцию. Рейн есть то, что он теперь есть в качестве реки, а именно поставитель гидравлического напора, благодаря существованию гидроэлектростанции» [Хайдеггер, 1993, p. 226]. Техника, не человек, согласно Хайдеггеру, является определяющим фактором бытийствования. Причем техника не проявляется исключительно в материальных носителях – она есть сами отношения человека и мира. Техника занята тем, что она ставит «что-то ради чего-

то». Этот процесс настолько вплетен в структуру человеческой деятельности, что он даже не осознается. Но человек по-прежнему убежден, что он является господином техники, что больше и больше оттягивает его от наличного бытия [Хайдеггер, 1993, р. 229].

Однако французский философ марксистского толка А. Бадью отвечает Хайдеггеру следующим образом: «Если бы мне потребовалось сказать что-либо о технике, чья соотнесенность с современными требованиями философии довольно незначительна, то, скорее всего, я бы выразил сожаление, что она все еще так заурядна, так скромна... На самом деле нужно воскликнуть: «Господа техники, еще одно усилие, если вы и впрямь стремитесь к планетарному господству техники!» Недостаточность техники, все еще примитивная техника — такова реальная ситуация: господство капитала связывает и упрощает технику, потенциальные возможности которой бесконечны» [Бадью, б.г., pp. 28-29]. Для Бадью, как и для многих мыслителей левого толка, весьма характерно оптимистическое отношение к техническому прогрессу, поскольку техника как средство производства имеет инструментальный характер и онтологически нейтральна по отношению к классовым отношениям. Польза или вред технического устройства заключается в его применении; один тот же предмет, будь то микрочип, кардиостимулятор или атомная бомба, может быть как оружием рабочего класса против эксплуататоров, так и инструментом угнетения. Любое техническое устройство встроено в процесс общественного производства, с чем мы можем согласиться, однако многие упускают тот факт, указанный Хайдеггером, что техника, на определенном уровне, начинает обладать своей собственной характерной автономностью, независимой от желаний отдельных людей или общественных структур.

### **«Конвивиальные инструменты»**

Со времен написания «Вопросов к технике» отношения производственных структур претерпели существенные изменения, техника используется повсеместно и обрела новый, цифровой, формат. На данный момент трудно себе представить рабочего любой профессии, не использующего достижения научно-технического прогресса. И мы даже уже не говорим о технике индустриальной эпохи — её продукты уже давным-давно принадлежат вечно расширяющейся «второй природе». Начался новый этап информационного, или же, постиндустриального, общества. Техникой постиндустриального общества являются микрочипы, смарт-девайсы, цифровизация производственного процесса и многие другие инновационные технологии.

Итак, какие же тактики сопротивления цифровой луддизм может нам предложить для ускользания от тотальной капиталистической машины. Помимо стандартных приемов конфронтации и отказа в кооперации, цифровой луддизм также использует ограниченную адаптацию под существующие системы и структуры для перенаправления производственных и креативных потоков от стагнации к раскрытию подлинного человеческого потенциала [Samerski, б.г., р. 1645]. Как мы уже отмечали, луддизм как тотальная технофобия практически нереализуем из-за постоянной включенности техники как в процесс производства, так в повседневную жизнь. Мы должны сделать осознанный выбор, против какой конкретной техники мы выступаем и какой конкретный вред она приносит. Если этот выбор делается неосознанно, то мы рискуем избрать одну или несколько технологий в качестве козлов отпущения (ГМО, 5G и т.д.), избавиться от них и тут же, с ощущением собственной праведности, с головой нырнуть обратно в системы технологического доминирования. Самой

главной задачей является отыскание путей, с помощью которых мы можем найти способ извлечения инноваций из структуры капиталистического статус-кво.

Философ Иван Иллич дает подобной ситуации имя «инструментальных зарослей» (*overgrowth of instruments* – пер. наш, А.Г.), которые существуют для того, чтобы, в конечном итоге, лишить массы любой возможности к сопротивлению. Но прежде всего – о каких «зарослях» идет речь? В работе «*Tools for Conviviality*» Иллич дает нам довольно широкую дефиницию инструментов. В его теории, инструментами являются не только нам привычные молотки и отвертки, но и любые рационально спроектированные устройства (*rationally designed devices*) [Illich, 1963, pp. 28-29]. Инструментами могут быть такие привычные нам механизмы как лампы или самолеты, а также различные производственные структуры как материального (фермы или фабрики), так и духовного (школы и больницы) плана. Иллич указывает, что каждая инновация проходит две важные стадии: в первой фазе, новые знания прилагаются к разрешению насущных проблем, и научные достижения производят наилучшие результаты; во второй же фазе, успехи первой фазы преподносятся как идеалы прогресса и используются для дальнейшей экспансии техники, целью которой является обогащение правящего класса, вне зависимости от реальной полезности данной экспансии [Illich, 1963, pp. 30-32]. Итак, инструментальными зарослями тогда является ситуация, когда мы создаем инструменты для решения проблем, но затем мы начинаем зависеть от этих инструментов и тех систем, которые имеют контроль над их распределением. Эта зависимость приводит к тому, что инструменты вместо того, чтобы служить человечеству, обретают над ним контроль и утрачивают свое изначальное предназначение.

Но что же мы можем тут сделать? Очень многие проблемы, указанные выше, потенциально неразрешимы, а если и разрешимы, то лишь с помощью новых технологий. В конце концов, нам всегда будут нужны инструменты для производства, передвижения и коммуникации, и мы не в состоянии обрести над ними власть. Прежде всего, нам будет необходимо усвоить, что инновации всегда имеют потенциал в решении вопроса о том, как помочь, но также и возможность навредить человеку в процессе преобразования мира вокруг нас. Проще говоря, нам необходимо обнаружить тонкий баланс между человеческим благополучием и миром вокруг него. Ответ на этот вопрос Иллич находит в «инструментах конвивиальности» (*Tools of Conviviality*). Само слово конвивиальность происходит от французского *convivialite*, что на русский мы можем перевести как «дружеское сожительство». Он противопоставляет принцип конвивиальности индустриальному модусу «продуктивности», который подмял под себя не только производственный процесс, но и социальные отношения [Illich, 1963, p. 19].

На практике этот термин означает, что мы должны понимать свое существование как хитросплетение живых и неживых потоков, природы и техники, которые каждый день собираются вместе, чтобы подать нам завтрак на стол: дождевые черви в почве, солнечный свет, дождевая вода, фермеры и множество других рабочих, задействованных в цепочке производства. Иллич настаивает, что они именно «собираются вместе», конвивиальность есть «индивидуальная свобода, понятая через взаимозависимость» [Illich, 1963, p. 19]. Она есть способность человека креативно взаимодействовать с другими людьми и окружающей средой для восполнения их индивидуальных и коллективных потребностей. Конвивиальными инструментами в этом случае будут такие инструменты, которые долговечны, способны поддерживать экосистемы вокруг них, выравнивать изначальное неравные динамики и предоставляющие власть их носителям. Такие инструменты являются доступными любому человеку без подготовки или особого доступа. Идеальными конвивиальными инструментами

являются книги и библиотеки, где каждый человек в состоянии свободно выбирать и самосовершенствоваться, не принося дальнейшего вреда окружающей среде, хотя и они не обладают иммунитетом от «зарослей» и могут быть включены в систему подавления [Illich, 1963, p. 74]. Конечно, крайне маловероятно, что удастся создать такое общество, в котором используются исключительно конвивиальные инструменты, но проект Иллича не является утопическим. Проект предполагает постепенный отказ от инструментов эксплуатации как человека, так и окружающей среды. Нефтяные скважины и мусор в мировом океане никуда просто так не исчезнут, но оптимальное будущее допускает использование неконвивиальных инструментов по необходимости: суть заключается не в идиллическом переходе к «гармонии с природой», а в замедлении экспансии техники любой ценой.

Однако в теории Иллича присутствует множество уязвимых мест. Одним из наиболее существенных недостатков является переход от теории к практике. Практическое воплощение теории конвивиальности Иллич видит в 1) просвещении населения касательно вопросов лимитирования эксплуатации инструментов; 2) пропаганде конвивиального образа жизни и организаций, сопутствующих этому; 3) перераспределению юридических и политических инструментов для продвижения конвивиального образа жизни, где это возможно. В рассуждениях Иллича отсутствует рабочая программа имплементации подобных тактик на общественном уровне и поэтому неудивительно, что большая часть примеров цифрового луддизма, которые мы рассматриваем, осуществляется на индивидуальном уровне. Несмотря на это, многие ученые и активисты все чаще ставят под сомнение осуществимость и желательность бесконечного экономического роста [Pansera, Fressoli, 2020, p. 380], и рассуждения Иллича являются для “degrowth” движения ключом к разработке альтернативных способов развития и обеспечению благополучия нынешнего и будущих поколений [Boisvert, б.г., p. 57].

## Заключение

Как итог, нужно отметить, что концепция «конвивиальных инструментов» и цифровой луддизм предлагают нам концептуальную методологию построения мира, в котором технологические изменения согласуются с принципами ответственности и развития. Суть этой концепции заключается в рассмотрении луддизма как метода и практики пересмотра отношений между технологическими, экономическими и общественными сферами бытия и выступает против дальнейшей коммерциализации технической сферы. Нынешние отношения между людьми и техникой не должны рассматриваться как аксиологически нейтральные, поскольку рост технической эффективности не обязательно приводит к улучшению жизни людей или укреплению общественных связей. Необходимо оценить и переосмыслить этические, социальные и экологические последствия технического прогресса для дальнейшего проецирования образа будущего в сторону общественного и экологического благополучия.

## Библиография

1. Бадью А. Манифест философии. – СПб.: Machina, 2003.
2. Гидденс, Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. — М.: Весь мир, 2004.
3. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. М., 1993.
4. Bailey, B. J. *The Luddite Rebellion* (1998), New York : New York University Press.
5. Boisvert, R.D. “Convivialism: A Philosophical Manifesto.” *The Pluralist* 5, no. 2 (2010): 57–68.
6. Illich, I. *Tools for Conviviality*. Harper & Row. 1963
7. Pansera, M., & Fressoli, M. (2020). Innovation without growth: Frameworks for understanding technological change in a post-growth era. *Organization*, 28(3), 380-404.

8. Samerski S., Tools for degrowth? Ivan Illich's critique of technology revisited, *Journal of Cleaner Production*, Volume 197, Part 2, 2018, Pages 1637-1646.

## Digital Luddism as a Tactic of Resistance in the Information Age

**Artem A. Gordyukov**

Assistant of the Department of Social Philosophy,  
Kazan (Volga region) Federal University,  
420008, 18, Kremlyovskaya str., Kazan, Russian Federation;  
e-mail: aragordyukov@kpfu.ru

### Abstract

The article analyzes the phenomenon of digital Luddism as a type of techno-pessimistic trend in contemporary culture, which may become an alternative approach to the evaluation and regulation of technical innovations. The historical conditions for the emergence of the Luddite movement in the 19th century, its ideological specificity, and its relationship with modern trends are shown. A point of view is expressed about the necessity of overcoming the presumption of the neutrality of technology and the danger of uncontrolled industrial and digital development. The logic of the production process in modern society is demonstrated using the example of the introduction of technical means into all spheres of human life without the possibility of control on his part, which has a detrimental effect on human life and well-being. In opposition to these trends, Ivan Illich's environmentalist project for correcting the imbalance between man and technology is proposed through his concept of "convivial tools" as a path for further human development. Illich understood productive growth not simply as an economic ideology, but — more radically — as the result of a historically unique way of thinking that turns technical tools from means into ends. Based on Illich's works, the article proposes restrictions in the sphere of both material and immaterial technologies, as well as in maintaining a balance between authentic modes of human existence and technology.

### For citation

Gordyukov A.A. (2026) Tsifrovoy luddizm kak taktika soprotivleniya v usloviyakh informatsionnoy epokhi [Digital Luddism as a Tactic of Resistance in the Information Age]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (2A), pp. 123-132. DOI: 10.34670/AR.2026.91.35.019

### Keywords

Technology, Luddism, information society, Ivan Illich.

## References

1. Badiou A. (2003) *Manifesto for Philosophy*. – SpB.: Machina.
2. Giddens, A. (2004) *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. — Moscow: Ves' mir.
3. Heidegger M (1993). *The Question Concerning Technology // "Time and Being": articles and lectures*. Moscow: Respublika.

4. Luddite Rebellion (1998), New York: New York University Press.
5. Boisvert R.D. "Convivialism: A Philosophical Manifesto." *The Pluralist* 5, no. 2 (2010): 57–68.
6. Illich, I. *Tools for Conviviality*. Harper & Row. 1963
7. Pansera M., & Fressoli, M. (2020). Innovation without growth: Frameworks for understanding technological change in a post-growth era. *Organization*, 28(3), 380-404.
8. Samerski S., Tools for degrowth? Ivan Illich's critique of technology revisited, *Journal of Cleaner Production*, Volume 197, Part 2, 2018, Pages 1637-1646.